

ОПРОВЕРЖЕНИЕ О ЧЕХОВЕ В АНглиИ ЛЕГЕНДЫ

В Англии имя Чехова давно окружено признанием и любовью, его творчество оказало мощное влияние на ряд выдающихся писателей. В Англии, можно сказать без преувеличения, Чехов стал своим писателем, одним из самых дорогих для англичан в литературе всех веков и народов.

Но признание не всегда означает правильное понимание; борьба с легендой о Чехове, с искажением сущности его творчества в Англии началась уже давно и прошла через много этапов. И сейчас полные английские друзья Чехова, друзья русской культуры и советского народа считают эту борьбу своей главной задачей.

В своей обычной шутиливой манере Чехов писал в 1892 году писателю В. Тихонову: «Переведен на все языки, за исключением иностранных». Впрочем, эта веселая шутка в то время уже не совсем соответствовала действительности. В частности, в 1891 году на английский язык был переведен рассказ Чехова «Дом». Этот перевод считается первым появлением на английском языке чеховского произведения.

В 1903 году — за год до смерти Чехова — в Англии появился первый сборник рассказов Чехова в переводах Р. Э. К. Лонга («Черный монах» и другие рассказы). В предисловии переводчик писал о Чехове, как о «весьма мало известном в Англии писателе». Слава Чехова в Англии была еще впереди.

После первой империалистической войны, когда в переводах Констанс Гарнет и других Чехов стал широко известен в Англии, началась эпоха славы, более того — культа Чехова в Англии. Еще в 1914 году Голсуорси назвал имя Чехова наряду с именами Тургенева и Толстого среди тех имен, «которыми мы клянемся». В 1928 году он же сказал, что за последние двадцать лет Чехов был самым могучим магнитом для молодых писателей в различных странах. Талантливая писательница К. Мэнсфилд писала о «Стении»: «Это просто одна из самых великих повестей в мире — своего рода «Илиада» или «Одиссея»... Есть вещи, о которых говорить: «Они бессмертны». В начале двадцатых годов, отмечает один мемуарист, в Англии всякий, имевший художественные склонности и начинавший писать новеллы, писал «под Чехова».

В английских оценках Чехова эпохи двадцатых годов верное было перемешано с ошибочным. Это относится и к высказываниям о Чехове видных прогрессивных деятелей английской литературы, таких, как Голсуорси и пропагандист русской литературы в Англии Эдвард Гарнет. Верно и проникательно говорил, например, Голсуорси о бессилии английских эпигонов Чехова воссоздать его художественный метод, о том, что Чехов открывает своим читателям подлинную душу великого народа; глубоко прав Гарнет, писавший, что у Чехова, как и у других великих русских реалистов, мы ощущаем дыхание широкого океана человечности, и именно этот фон порождает присущую русским широту художественного зренья и этических оценок.

Но в тех же статьях Голсуорси и Гарнета мы находим суждения о «фатализме» Чехова. Английские толкователи Чехова и даже его горячие поклонники нередко приписывали Чехову совершенно не свойственные ему черты безразличия к добру и злу.

Знаменитая «легенда о Чехове», которая восходит к русской буржуазно-либеральной литературе о Чехове, получила особое распространение в Англии. В чем ее смысл?

Чехов — поэт усталых, отчаявшихся душ, не имеющих силы для борьбы, драматург разочарования, певец тщетности усилий, творец беспомощных, бездейственных, пассивных персонажей. Его пьесы — элегичные памятники умирания, грусти, несбывшихся надежд...

Легенда эта жива до сих пор и имеет международное «хождение».

«Дейли уоркер» — орган английской коммунистической партии, — уделяя много внимания раскрытию подлинного образа Чехова, разоблачает вреднейшие выдумки о его творческом и человеческом облике. Высоко оценила газета две вышедшие в 1952 году книги о Чехове — «Жизнь Чехова» и «Чехов-драматург» Дэвида Магаршака.

Автор подчеркивает присущие Чехову еще в годы юности и молодости бесстрашие, мужество, большую духовную силу, гуманизм, сочетающийся порой с резкостью и никогда не мирящийся с потворством человеческим слабостям.

Говоря о юных годах Чехова, Магаршак показывает зародыши той борьбы со всяким проявлением бесчеловечности в отношениях между людьми, которую писатель, не переставая, вел всю свою жизнь. Он подчеркивает чувство интеллектуальной свободы и человеческого достоинства, которыми обладал юный Чехов, пишет об исключительном даре ощущать малейшую неискренность в человеческих взаимоотношениях, о способности подмечать те показные чувства, которыми часто прикрывают проявления жестокости и несправедливости, об отвращении ко лжи и лицемерию во всех формах, которое останется с ним до конца жизни. Бесстрашие и трезвый критический взгляд на жизнь проявились у Чехова даже в первых литературных опытах, когда он был далек от мысли о карьере профессионального писателя. Уже в годы юности, совершенно правильно указывает Д. Магаршак, Чехов был полон глубокого и серьезного представления о высоком общественном назначении литературы.

Подробно описывает Магаршак поездку Чехова на Сахалин и останавливается на

том воздействии, которое оказала эта поездка на мировоззрение и творческое развитие писателя.

Скупое, но в основном верно говорит Магаршак о политических взглядах Чехова. Он правильно подчеркивает, что Чехову совершенно напрасно приписывали пессимизм и чувство безнадежности. Он напоминает, что Чехов постоянно, но безуспешно протестовал против поисков пессимизма в его произведениях. Однако при жизни Чехова немногие были так проникательны, как Горький, писавший в 1900 году: «каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

В серьезной и талантливой биографии Чехова, написанной Магаршаком, можно отметить отдельные недостатки. Характеризуя политические взгляды Чехова, автор опирается преимущественно на святельства мемуаристов и переписку. Магаршака можно упрекнуть в том, что им мало привлекается художественное творчество Чехова, задолго до последних лет его жизни показывавшее большую зрелость его политически-социальной мысли и воплощавшее осуждение буржуазного строя, собственнического уклада, угнетения человека человеком.

От этого упрека свободна другая книга Магаршака, посвященная Чехову-драматургу.

Английская театральная критика и режиссура до сих пор находятся под влиянием «легенды о Чехове», пессимизм и сейчас остается господствующим тоном постановок чеховских пьес. «Дейли уоркер» писала, что множество англичан, посещающих постановки чеховских пьес, вводится в заблуждение режиссерами, артистами и критикой.

Книга Магаршака о драматургии Чехова также посвящена опровержению «легенды о Чехове». Его концепция, основанная на детальном анализе чеховских пьес, совершенно противоположна традиционным в английской литературе представлениям о Чехове, искажающим сущность чеховского театра.

В известном письме Суворину Чехов писал о писателях, «...которых мы называем вечными или просто хорошими», что они «пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели. Вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас». Это представление о жизни, «какая должна быть», и составляет, по Магаршаку, основную тему чеховской драматургии. То, что автор увидел ее в соответствии с мыслью Чехова и в противоречии господствующим английским истолкованиям, составляет большую заслугу книги.

Основной принцип эволюции драматургии Чехова Магаршак видит в переходе от традиционно построенных пьес к пьесам «подводного течения», означающего один из важнейших элементов новаторскогоклада Чехова в мировую драматургию. Магаршак раскрывает свою мысль о пьесах «непрямого действия», как он называет «Чайку», «Дядю Ваню», «Три сестры» и «Вишневый сад», на многочисленных, часто весьма тонких и интересных анализах ситуаций, мизансцен, реплик, характеристик персонажей, диалогов. Все это имеет одну цель — доказать глубоко реалистический и оптимистический характер чеховской драматургии.

В соответствии с этим меняется оценка отдельных пьес. Если писавший о драматургии Чехова на протяжении десятков лет известный театальный критик Дэмонд Мак Карти (заметьте, восхищавшийся «Дядей Ваней») считал основной темой пьесы разочарование, если он находил, что в «Дяде Ване» Чехов — поэт и защитник бессилия, то Магаршак раскрывает «Дядю Ваню», как пьесу мужества и надежды. Магаршак оценивает «Три сестры» не как пьесу покорности и смирения. Ее пафос — утверждение жизни и возрождающей силы труда. Узел действия в «Вишневом саду» завязан не вокруг продажи сада и соответственно судьбы Раневской и Гаева, а вокруг темы вишневого сада, олицетворяющего собой Россию, и темы уничтожения красоты теми, кто слеп к ней.

Все это совершенно противоположно впечатлениям Дэмонда Мак Карти и его единомышленников, но зато близко подлинно научному изучению чеховской драматургии и восприимчивости ее советскими исследователями последнего времени и трактовке ее советскими постановщиками. Это позволяет и в применении к книге о чеховской драматургии говорить о плодотворном влиянии на английского исследователя советской передовой культуры.

Несмотря на то, что автор не цитирует советских исследований о Чехове, в ряде важных положений его книги отражается неоспоримое влияние современной советской исследовательской мысли в изучении Чехова. Магаршак показал себя хорошо осведомленным биографом, тонким и вдумчивым аналитиком, искусным повествователем. Обе книги Магаршака наносят тяжелый удар «легенде о Чехове».

Борьба с «легендой о Чехове» является частью борьбы за правдивое освещение классического наследия, которую ведут передовые деятели английской культуры. Настало время, — писала «Дейли уоркер», — представить подлинного Чехова простым людям. Потому что Чехов — писатель, прежде всего писавший о народе и для народа.

А. НАРКЕВИЧ